

Отзыв

официального оппонента, доктора философских наук, доцента, профессора кафедры философии Челябинского государственного университета Рыбина Владимира Александровича на диссертацию Сухих Никиты Ивановича «Сущность информационных процессов в контексте постнеклассической онтологии», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 – Онтология и теория познания (философские науки)

Излишне говорить, какой внушительной значимостью обладает феномен информации в процессе воспроизводства современной техногенной цивилизации и насколько важным является истолкование данного феномена в теоретических концепциях, направленных на осмысление проблем и перспектив ее развития. «Информационные технологии», «искусственный интеллект», «цифровая экономика» и т.д. — все эти новейшие атрибуты современного социокультурного бытия и соответствующие им концепты не только содержат в себе «информационный» аспект, но в полном смысле слова опираются на «информацию» как на базовый, «несущий» конструкт.

В то же время невозможно не замечать возникающих при этом противоречий теоретического и практического порядка, порой довольно острых. Прежде всего, с недавнего времени выявилась ограниченность, если не сказать утопичность, целого ряда популярных прежде социальных концепций («информационное общество», «постиндустриальная эпоха», «общество знаний» и пр.), в которых информация выступала в качестве ключевого понятия: доминирующие ныне политические и социальные тренды свидетельствуют отнюдь не о приближении, а напротив, об удалении от идиллических картин всеобщего благоденствия, обрисованного в указанных концепциях. Более того, со всей определенностью проявилась угроза, связанная с возрастающими возможностями использования информации в целях управления и деструктивного воздействия на социум, особенно в процессах влияния СМИ (средств массовой информации) на общественное и индивидуальное сознание.

Всё это свидетельствует о том, что прежний, «классический» концепт информации, который, сложившись в русле синтеза количественно ориентированных теорий связи (Клод Шеннон) — с одной стороны, и ориентированной на проблемы управления кибернетической теории (Норберт Винер, Уильям Эшби) — с другой, стал основой ведущих научно-технических и социальных стратегий второй половины XX века, страдает серьезной ограниченностью. Выяснилось, что на практике он сводится к

совершенствованию процесса производства и накопления сведений, оформляемых и транслируемых в виде факторов *объектного* порядка («банка данных», «информационного ресурса», «символического капитала» и пр.), но фактически не учитывает способности и потенциал принимающей эти сведения стороны интерпретировать их, то есть «не берет» *субъектный* — человеческий — аспект информационного взаимодействия.

Возникающая при этом ситуация теоретической неясности и практической неопределенности закономерно побуждает обращаться к концептам постнеклассической онтологии, ведущим атрибутивным признаком которой выступает отсутствие прежней, характерной для классического миропонимания жесткой субъект–объектной оппозиции, следствием чего выступает высвобождение теоретического пространства для углубленной интерпретации *субъектного* аспекта.

Постнеклассическая онтология, равно как и соответствующая ей методология, ориентирована на исследование сложных самоорганизующихся систем, включая исторически развивающиеся — «человекоразмерные» — системы, учитывающие человека и его деятельность в качестве необходимого составного компонента. С этой точки зрения и сам феномен информации, и сущность информационных процессов раскрываются принципиально по-новому, совсем иным образом, нежели в «классическом» концепте. Опыт именно этого рода — рассмотрение информации в контексте постнеклассической онтологии — и составляет содержание диссертации Н.И. Сухих, о чем свидетельствует уже само название «Сущность информационных процессов в контексте постнеклассической онтологии».

При этом следует отметить, что хотя избранная автором исходная позиция — опора на аппарат постнеклассической онтологии — императивно задает процессу исследования собственно субъектную интенцию, однако реализуется данная направленность не напрямую, то есть наиболее простым и распространенным способом (посредством наделения рассматриваемого феномена антропологическими характеристиками типа ценностей, установок, принципов и пр.), но опосредованным и, как выясняется, более адекватным образом (с привлечением категорий научной рациональности в рамках конкретной философской парадигмы). Перед нами именно философско-онтологическое исследование. Рассмотрим его принципы и структуру.

В методологическом плане исследование выстроено средствами постнеклассической онтологии с опорой на принципы классической и неклассической рациональности, то есть с учетом их операционально продуктивного содержания. Сквозная линия исследовательского процесса представляет собой последовательное восхождение от феноменологического описания к сущностным обобщениям, от абстрактного к конкретному, от

эмпирического к теоретическому уровням научного познания. В результате охват поля исследования непрерывно возрастает на фоне одновременного усиления разрешающей способности применяемой теоретической оптики.

Избранная автором исходная теоретическая позиция — взаимодействие контекста и взятого в своей специфике исследуемого феномена с опорой на вполне достоверные данные повседневного опыта, изначально фиксирующего соотношение внешнего и внутреннего, но неспособного проникнуть в суть. В дальнейшем эта оппозиция обогащается новыми характеристиками за счет использования приемов из методологического арсенала формальной логики, синергетики, системного подхода, семантики (которые автор целенаправленно эксплицирует), а также классической (гегелевской) диалектики, герменевтики, типологии (которые автор использует, так сказать, «по умолчанию»). К исследованию, таким образом, привлекается эффективный по своей эвристичности методологический аппарат, позволяющий корректно выстраивать всю структуру познавательного процесса по линии движения от внешнего к внутреннему, от описания к сущности, от констатации статических характеристик к выявлению динамических. Осуществляется это в следующей последовательности.

В первой главе «Основные подходы к изучению понятия «информация» в философии и науке», опираясь на новейшие данные философской и научной литературы, автор производит собственную, оригинальную систематизацию взглядов на сущность информационных процессов, выделяя четыре наиболее авторитетных подхода из числа сложившихся к настоящему времени.

Прежде всего это *математико-кибернетические концепции информации*, сформулированные около 70 лет назад (Н. Винер, К. Шеннон, Л. Бриллюэн), но продолжающие эффективно разрабатываться и по сей день (с. 18). Наиболее характерными чертами этих концепций является использование математического аппарата, а также — в качестве изъяна — редукционизм по техническому образцу в истолковании всех описываемых феноменов. *Функциональные концепции* ориентированы на решение практических задач и носят прикладной, инструментальный характер (Н.Н. Моисеев, Д.И. Дубровский). Наиболее ценным в следующей группе *атрибутивистских концепций* является, по мнению автора, выделение двух групп информации — оперативной, связанной с наращиванием многообразия во взаимодействии агента информации и внешней среды, и структурной, связанной с обращенными вовнутрь процессами стабилизации, которые (как выясняется в дальнейшем) особенно наглядно проявляют себя в системах живой природы. Особо выделяется автором *концепция процессуальности*

информации И.В. Мелик-Гайказян, основной эвристический потенциал которой состоит в раскрытии семантического аспекта информационных процессов, а на этой основе — в углублении представлений о их структурности (с. 37-38).

Выстроенная таким образом типология создает предпосылки для первых обобщений эмпирического порядка (с. 38-39), которые затем, во второй главе представленной диссертации, по ходу продвижения к теоретическому уровню, подвергаются последовательному разбору и конкретизации средствами постнеклассической онтологии.

Вторая глава «Информационно-устойчивые структуры в эволюционных процессах» выстраивается как выдвижение ряда гипотетических положений, которые на данном этапе исследования позволяют свести воедино целый ряд аспектов, порознь представленных в обозначенных выше теориях, сформулировать на этой основе собственный, авторский концепт информации, а в дальнейшем подвергнуть его проверке на «работоспособность» на материале конкретных практических примеров.

Первый шаг на этом этапе — вписывание понятия информации в контекст постнеклассической онтологии с характерным для нее истолкованием процессуальности, структурности, единства, сущности и т.д. — того, что М.К. Мамардашвили назвал «органами онтологии» (С. 44). В результате автор приходит к выводу: «Мы полагаем, что информация есть категория постнеклассической онтологической, трактуемая нами как проявление возможных вариантов разнообразия. Информация может проявляться в виде виртуальных объектов (модусов информации), например, в качестве информационно-устойчивых структур (важных элементов эволюции самоорганизующихся систем, которые обеспечивают поддержание баланса и устойчивости). Информация участвует в эволюционных процессах путем формирования и разрушения таких виртуальных объектов» (С. 49).

Суть следующего шага во второй главе — приложение методологии глобального эволюционизма к анализу информационных процессов посредством введения в теоретический оборот ряда положений, выдвинутых такими теоретиками, как В.И. Вернадский (С. 49), И. Пригожин (с. 50), Э. Янч (с. 55), А.Д. Урсул (с. 57), У. Матурана и Ф. Варела (с. 60) и некоторых других. Что создает возможность, во-первых, рассматривать глобальный эволюционизм «как универсальный процесс», в котором информация играет роль организующего начала (с. 64), а во-вторых, уверенно говорить о её неоднородности, «возможности ее видового разделения» (с. 66).

Последующее рассмотрение информации сквозь призму эволюционных процессов (с. 65-72) открывает путь к более углубленному различению ее содержания — выделению в ее составе двух альтернативных состояний уже

не статического, а динамического порядка, отвечающих соответственно за трансформацию сложившегося качества и за его сохранение. Первое состояние, ссылаясь на уже проведенные исследования, автор именует «оперативной информацией», второе — «атрибутивной» (с. 67). Поскольку при этом в обоих случаях подразумевается однородный субстрат, речь идет о некоей изменяющейся, но сохраняющей собственную идентичность, имманентной информационному взаимодействию подсистеме, родовая принадлежность которой обозначена категорией «информационно-устойчивая структура» (с. 69): «Информационно-устойчивая структура обладает ригидностью, то есть способностью сохранять устойчивость организации и соотношения атрибутивной/оперативной информации по отношению к меняющимся условиям внешней среды» (с. 72).

Сделав этот вывод, автор переходит к своеобразному теоретическому эксперименту — к проверке того, работает ли гипотетически сформулированный выше концепт информации в реальных системах разного генеза и уровня, и если «да», то каким образом осуществляется эта «работа». В ответе на этот вопрос и заключается содержание третьей главы «Специфика течения информации в различных сферах реальности».

Свою проверку автор начинает с систем физического уровня, рассмотрение сменяющих друг друга взглядов на которые в философском и научном познании демонстрирует, что самоорганизующийся процесс структурообразования вполне может трактоваться как информационно опосредствованный (с. 82-83).

Анализ хода эволюции на биологическом уровне с привлечением данных о живых организмах разной степени сложности также дает основания утверждать, что базисные на данном уровне процессы — процесс адаптации в частности и магистральный процесс эволюции в целом — осуществляются посредством двух — оперативной и атрибутивной — линий информационного потока в составе функционально однородных информационно-устойчивых структур (с. 92-93).

В социально-технических системах, на уровне создаваемой людьми культуры информационно опосредствованный эволюционный процесс обретает новое качество, будучи модифицирован использованием новых средств воздействия человеческих особей на внешнюю природу (искусственные орудия труда) и внутреннюю сферу межиндивидуального взаимодействия (язык, средства коммуникации разного рода). Благодаря этому обстоятельству в «человекообразных» системах информационный поток интенсифицируется и обретает новое качество, связанное с активной наработкой нового материала в рамках непрерывно трансформирующихся информационно-устойчивых структур. Этот новый вариант реализации

информационных процессов, по мнению автора, весьма полно концептуализирован в рамках акторно-сетевой теории (Б. Латур, М. Каллон), где он поименован как «информационный контейнер», который «влияет на эволюционные процессы путем создания новых взаимодействий в социально-технических системах через организацию необходимой для таких взаимодействий информации» (с. 115).

«Процесс упорядочения информации в информационном контейнере, — заключает третью главу автор, — может сопровождаться как получением новой оперативной информации, так и «стиранием» неактуальной информации, которая в силу тех или иных причин потеряла значимость и не представляет ценности. Информационный контейнер влияет на эволюционные процессы путем создания новых взаимодействий в социально-технических системах через структурирование необходимой для таких взаимодействий информации» (с. 123).

Тем самым наглядно демонстрируется, что информационные процессы на всех уровнях бытия — от неорганического до биологического (естественно-природного) и собственно человеческого (искусственно-культурального) — функционируют по единым универсальным закономерностям, в то же время обретая по ходу эволюции новые характеристики и свойства, выявление которых и стало основным предметом, а потом и результатом проведенного диссертационного исследования.

Как итог, следует констатировать следующее. Заявленная в самом начале логика исследовательского процесса выдержана на всем его протяжении: выдвинутые на первом этапе исходные положения, на втором этапе были конкретизированы в статусе гипотез, а затем, пройдя проверку на третьем этапе посредством подключения соответствующего научного и философского материала, оформились как рационально обоснованные выводы. Исходные и конечные звенья герменевтической цепи всего исследования, таким образом, сомкнулись, наглядно продемонстрировав, что совокупный цикл исследования завершен в форме обретенного нового знания.

В целом можно с полным основанием утверждать, что при исследовании информационных процессов в контексте постнеклассической онтологии автору удалось не только удержать рефлексивную позицию, но в конечном счете эксплицировать тот субъектный подход, который, имея ввиду, но не навязывая заранее читателям, он с самого начала заложил в качестве мировоззренческой точки опоры всей своей работы. В результате поставленные в начале исследования задачи обрели четкое, философски обоснованное решение, которое, на наш взгляд, и составляет квинтэссенцию

данной диссертации, тогда как её методология, структура, содержание, изложение его сути полностью соответствуют этому.

Однако, принимая во внимание указанные положительные аспекты представленного исследования, следует отметить и ряд недоработок или, точнее, недостаточно проясненных фрагментов, в связи с этим задав автору ряд вопросов.

В автореферате (с. 14) и тексте диссертации (с. 48-49) со ссылкой на Н. Винера воспроизводится фраза: «Мы исходим из установки, в соответствии с которой нечто может существовать не иначе, как посредством одного из способов — в виде материи, энергии или информации». В современном научном и философском познании сформировался взгляд на информацию как продукт особого — информационного — взаимодействия, вследствие чего порой утверждается, что информация представляет собой феномен специфического — надмассэнергитического — порядка. Не вытекает ли отсюда, что информация может рассматриваться в качестве отделенной от материи, особой «духовной» сущности? И вообще, в состоянии ли материя, энергия и информация существовать порознь, в отрыве друг от друга, как это следует из обозначенного выше взгляда, или же они представляют собой лишь своеобразные проявления некоей триединой сущности?

Другой вопрос, относительно глобального эволюционизма, концепт которого в последнее время становится все более популярным в современном научно-философском дискурсе. В работе приведен целый спектр — от Вернадского до Латура — вариантов данного концепта. Автор не отдает предпочтения ни одному из них, используя соответствующий им эвристический потенциал исключительно для целей проводимого исследования. Тем не менее, хотелось бы знать, какой из вариантов представляется автору наиболее ценным как с точки зрения предмета его исследования, так и с точки зрения дальнейшей разработки самого концепта глобального эволюционизма, которой в качестве лидирующей методологической модели, похоже, все более уверенно идет на смену синергетике и системному подходу?

И еще один вопрос. Овладение каким-либо феноменом объективной действительности обычно резюмируется введением его меры, единицы его измерения. Долгое время считалось, что информация доступна измерению посредством приемов, заимствованных из сферы математизированного естествознания («бит информации», «снижение энтропии» и пр. как мерные характеристики). Однако, как признает сам автор, подобный подход является ограниченным или, в крайнем случае, представляет собой одно из «мнений» наряду с прочими. В чем тогда должна выражаться мера информации, соответствующая «знанию»?

Тем не менее отмеченные недоработки отнюдь не отменяют ценности представленного диссертационного исследования. Диссертация Никиты Ивановича Сухих «Сущность информационных процессов в контексте постнеклассической онтологии» представляет собой самостоятельное, оригинальное, обладающее научно-философской значимостью исследование, которое вносит существенный вклад в разработку актуальной для теории и практики современной философско-онтологической проблемы. Данная диссертация изложена грамотным и логически четким философским языком, оформлена в соответствии с требуемыми правилами. Публикации соответствуют содержанию работы и представлены в достаточном количестве. Автореферат адекватно отражает основное содержание текста диссертации.

Диссертационная работа отвечает требованиям пункта 9 «Положения о присуждении учёных степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 года № 842 (в редакции постановления Правительства РФ от 01.10.2018 года), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор Сухих Никита Иванович заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 – Онтология и теория познания (философские науки).

Официальный оппонент
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии
ФГБОУ ВО «ЧелГУ»
Владимир Александрович Рыбин

20.04.2020

454080, г. Челябинск, [REDACTED]
Тел.: 89193547449 (моб.);
E-mail: wlad@csu.ru

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Челябинский государственный университет»
454001, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129.
Кафедра философии: e-mail: filos@csu.ru; 8(351)799-72-75